

МАРИЯ СЕМЁНОВА
АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ

МЕЧ
МЁРТВЫХ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 30

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

Семёнова М., Константинов А.

С 30 Меч мёртвых : роман / Мария Семёнова, Андрей Константинов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 416 с. — (Миры Марии Семёновой).

ISBN 978-5-389-07961-8

Кто сказал, что в эпоху викингов жизнь была бесхитростной и простой?.. Можно было, оказывается, съездив за море с посольством, по возвращении не узнать собственной страны. А получив в своё распоряжение боевой корабль и дружину испытанных храбрецов — вдруг обнаружить, что стал пешкой в игре, где стороны давно забыли о чести...

Кого выберет отчаянная воительница? Кто завоюет сердце странствующей колдуньи? И что гонит по белому свету таинственного молодого варяга, прячущего под кожаной повязкой половину лица?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Мария Семёнова,
Андрей Константинов, 1996
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-07961-8

Пролог

Осень 861 года. Болотный край в нижнем течении Лабы...

...Старейшина умирал. Он лежал кверху лицом, зажимая ладонями живот, вспоротый ударом копья, и смотрел в небо. Ночь выдалась ясная и тихая; в такую ночь пращуров наблюдают за теми, кого оставили на земле. Перед глазами старейшины медленно поворачивалась тёмно-синяя бездна, испещрённая крохотными точками звёзд. Скоро и он поднимется к ним, в прозрачную темноту, и уже оттуда встретится взглядом с тем, кто...

Время от времени с болота потягивало сырым ветерком, и тогда звёздную синеву заволакивали струи редющего дыма. Дым поднимался с развалин, в которые огонь превратил едва обжитые избы. А между жилищами лежали мертвецы. Мёртвый род, который он, старейшина, ещё вчера возглавлял.

Умирающий осторожно вздохнул. Живот опалило невыносимое пламя, но он знал, что скоро боль начнёт утихать. Старейшина закусил губу и подумал о том, что эту муку ему завещали все те, кто уже не испытывал страдания плоти. Те, кого он не сумел уберечь. Его род. Его мёртвый род.

Они лежали вокруг него и поодаль, там, где застала их беспощадная смерть. Среди них было мало мужчин. Немногие из сыновей племени дожили до этого дня. Когда чужая алчность оставила род без защиты от земных зол, его защитники первыми приняли неравный бой. И пали один за другим, выполнив свой мужской долг, ибо тяжело противостоять судьбе, лишившись помощи свыше...

Старейшина вновь шевельнулся, пытаясь дать израненному телу какое-то подобие отдыха. Движение вышло неловким,

беспомощным. Как и его сегодняшняя попытка увести племя в лес. Да... Наверное, между избами и теперь ещё валялись остатки скарба, который они толком не успели собрать. Их ещё добивали, а чужие жадные руки уже потрошили наспех связанные узлы. Что они там надеялись отыскать? Серебро? Припрятанный хлеб?..

Надо было уходить вчера, несмотря на жестокую непогоду. Хотя... что бы от этого изменилось? Чуть-чуть дольше тянулись бы предсмертные борения обречённого рода... И всё. На носу зима, болезни, холод и смерть. А так по крайней мере стрелы и копыя Медведей всё сделали быстро. Быть может, Боги всё-таки явили Своё последнее милосердие, послав короткий ужас минувшего дня и тем самым оградив его детей от медленного умирания на болотах? Что страшнее: видеть, как поднимают на копыя младенцев — или сутками напролёт слышать их постепенно слабеющий плач и помимо воли желать, чтобы этот плач скорее затих?..

Грех роптать. Он, старейшина, и без того слишком долго играл в прятки с судьбой. А началась эта игра много лет назад, когда его род не сумел уберечь завещанную от предков святыню. До них доходили вести о том, что отнятое не принесло счастья и тому, кто им завладел, но маленькому племени от этого было не легче. Зверь покидал ловища, год от году скудели огороды и лоскутки отвоёванных у леса полей, а бывлые друзья-соседи постепенно начинали смотреть с недобрым, хищным прищуром, — хоть заново снимайся с насиженного места...

Так они и поступали. Но на новом месте ослабевшие женщины по-прежнему умирали родами, производя на свет мёртвых детей, и нападала неведомая лекарям хворь, от которой человека несколько дней трясло в лихорадке, а потом он успокаивался и засыпал. Чтобы уже не проснуться.

Прошлым летом самые надёжные и решительные воины отправились в низовья реки, в большой торговый город, процветавший у моря. Им говорили, что там легко наняться охранять какого-нибудь купца, собравшегося за море на корабле. Купец продаст свой товар и щедро вознаградит тех, кто не

МЕЧ МЁРТВЫХ

подпустил к нему лиходеев. А с серебром в кошеле можно не опасаться голодной зимы!

Старейшина не отговаривал молодцов, но с тяжким сердцем провожал их в дорогу. И не ошибся. Из пятнадцати молодых глинян, ушедших в поход, домой не вернулся ни один. Когда истекли все сроки, в дальний город послали гонца. И тот разузнал, что богатый гость, к которому нанялись его родичи, снарядил целых пять лодий с добрым товаром... но, видно, забыл хорошенько попросить у своего Бога удачи. При самом выходе в море на него наскочили датские викинги. Четыре корабля благополучно прорвались. Пятый — тот, где были глиняне — отбили от остальных, окружили и ограбили, перебив отчаянно сражавшуюся ватагу...

Женщины рода не лили напрасных слёз по ушедшим. Все их слёзы к тому времени были давно уже выплаканы. Они просто почувствовали, что очень скоро соединятся со своими любимыми. Там, где нет ни времени, ни печали.

Так оно и случилось считанные седмицы спустя...

Глиняне были в этих местах пришлыми, а на пришлых всегда и везде смотрят косо. Все знают: если долго идти в одну сторону, пожалуйешь напрямик на тот свет. Ну и кто их, чужаков, разберёт, откуда они взялись? Люди ли они вообще? Может, недобрые духи, похитившие человеческий облик? А если даже и люди — почём знать, с добром ли пришли?..

Здеишние соседи глинян — род Медведей из сильного полабского племени — поначалу отнеслись к ним терпимо. На одном языке говорили, одним Богам поклонялись... Лес, опять же, большой, всех прокормит...

Даже он, старейшина, поначалу обрёл было надежду. Однако ошибся.

Всё лето, начиная с весны, стояла пыльная сушь. Обмелевшая, покинутая рыбой река едва давала воды полить вянущие огороды. Белый боровой мох шуриал и распадался в прах под ногами охотников, тщетно выслеживавших откочевывающую дичь. Ни ягодки, ни гриба! А потом однажды небо затянула сухая сизая мгла... И лишь болотные топи, ещё сохранявшие какую-то влагу, оградили глинян и Медведей от стены огня,

надвинувшейся с полудня. Там, где пронёсся пожар, до сих пор ещё курились подземным жаром высохшие торфяники...

Вот тогда старейшина и сказал своим детям: надо заново собираться в путь. До прихода глинян в здешних краях не бывало подобного мора. Кабы не решили Медведи, что это они, находники, принесли в котомках беду. Кабы не вздумали на корню истребить незваное лихо... а заодно поживиться хоть тем немногим, что сыщется у глинян в коробах и клетях...

Люди с ним согласились. Но просто ли заново стронуть с места целое племя, от которого остались-то измученные бабы да малосильная ребятня?.. Да и вестей хотелось дожидаться — сначала от ушедших в поход, а после — от Ингара. От того самого Ингара, на которого возложили они всю свою надежду и веру, всё своё желание продолжиться на этой земле. Сам старейшина некогда указал ему его путь... а теперь сомневался: не зря ли? Так ли всё кончилось бы у отважных походников, окажись Ингар с ними, а не там, где он теперь был?..

Больно уж долгим да страшным он оказался, путь тот, что должен был возвратить племени жизнь. Растянулась Ингарова дорожка на много лет. И отмечена была кровью. Старейшина не сомневался в идущем, он знал, что тот не свернёт и следа не потеряет, и только гадал: дойдёт ли? Хватит ли сил?..

А теперь утратило смысл даже гадание. Наступит рассвет, и Ингар останется совсем один на чужой холодной земле. Ему будет некуда возвращаться...

...Глиняне так и не успели уйти в лес. Медведи пришли рано утром, в час, когда солнце ещё не успело насмотреться на людские грехи и готово освящать праведные деяния. Пришли одни воины — с копьями, топорами и полными тулами стрел. Они были горды своей правотой и всё совершили по чести. Они не напали сразу, не стали врасплох набрасываться на безоружных. Их вождь говорил долго и красно, нарекая глинян источником всех напастей, постигших два племени, и призывая Богов в свидетели истины. Глиняне должны были покинуть край, куда принесли беду. Покинуть, оставив последнюю скотину, сохранившиеся запасы еды, одежды и вообще всего, что составляет живот человеческий.

МЕЧ МЁРТВЫХ

То есть уйти на верную смерть.

Голод и страх так меняют некогда доброго и хлебосольного человека, что не надо и колдовства. Слова старейшины не подействовали на Медведей, ибо Медведи пришли убивать — убивать, как им казалось, во спасение своих собственных жён и детей. А Боги безмолвствовали...

Глиняне не выстроили себе укрепления, и Медведям не составило труда окружить их перед избами. Но лёгкой расправы не получилось. Глиняне с беспощадной яростью отвечали стрелами на стрелы. Будь они таким же воинским отрядом, как те, что пришли по их головы, они бы, может, вырвались из кольца. Но не с женщинами, не со стариками и младенцами на руках. И мужчины остались на месте, а когда опустели тулы — врукопашную встретили обозлённых врагов. Смерть — последний поступок. И таков он, что может искупить или перечеркнуть целую жизнь.

...Медленно гаснет взгляд воина, пригвождённого к стене тяжёлым копьём, скользят и разжимаются пальцы, отчаянно схватившие обазрённое древко... но последнее усилие бросает пробитое тело вперёд, по этому самому древку, и нож, возникший в руке, находит шею врага...

...Маленький мальчик выскакивает из избы с горшком горящих углей — и с размаху мечет их прямо в лицо Медведю, убийце старшего брата...

...Женщина подхватывает топор, выпавший из руки старика, и с неистовой силой замахивается наотмашь. Она не станет рабыней...

Старейшине не было стыдно ни за себя, ни за своё племя. Скоро он соединится с теми, кто ушёл прежде него, и они ни в чём друг друга не упрекнут. Оставалось только одно дело, которое он должен был вытолкнуть на земле. Когда он отправлял Ингара в путь, он велел ему каждый день на рассвете обращаться мыслями к дому, потому что там в это время тоже будут думать о нём. И теперь старейшина не мог умереть, пока не наступит рассвет.

Боги всё-таки вняли его последней мольбе. После боя Медведи безжалостно прикончили раненых: страшен мёртвый враг,

способный встать из могилы, но куда страшнее — живой, замышляющий мечь. Они не давали пощады, и только старейшину, заслонённого рухнувшей крышей, не нашли. Когда затихли вдали чужие шаги, он пядь за пядью выполз наружу. И долго лежал кверху лицом, глядя в звёздное небо, и не подпускал к себе смерть.

Наконец звёзды на востоке начали блёкнуть и исчезать. ИНГАР, мысленно позвал старейшина. ИНГАР!..

Его дух так жаждал ответа, что ему и впрямь померещилось в тишине слабое прикосновение мысли, дотянувшейся с другого края рассветного мира.

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ИНГАР. ТЕПЕРЬ ТЫ ОДИН, НО МЫ ПРЕБУДЕМ С ТОБОЙ. И Я, И ТВОЯ МАТЬ, КОТОРУЮ ТЫ ЛЮБИЛ... МЫ ВСЕ. Я ЗНАЮ, ТЫ ВЫПОЛНИШЬ ТО, В ЧЁМ ПОКЛЯЛСЯ. НО ПОМНИ, ИНГАР.. НАШ РОД НЕ ИССЯК, ПОКА ТЫ ЖИВЁШЬ. БЫВАЕТ, КОСТЁР И ОТ МАЛОЙ ИСКОРКИ РАЗГОРАЕТСЯ... ЗАПОМНИ ЭТО, ИНГАР.. ЗАПОМНИ...

Первые лучи взошедшего солнца осторожно погладили старейшину по лицу и ласково поманили к себе его душу. Он глубоко и освобождённо вздохнул, радуясь утихнувшей боли, и тягостные видения прожитой жизни начали отдаляться и меркнуть. Пока совсем не растворились в потоках утреннего света.

Медведи сложили для истреблённых глинян огромный погребальный костёр. Над остывшими углями соорудили невысокий курган и в вершину его вбили столб, вырубленный из целой осины. Вырезали на столбе родовой знак погибших и накрест разрубили изображение топором. Осина вытьет враждебную силу неупокоенных душ и не позволит им снова обратиться в живой мир. А разрубленный знак подтвердит, что Медведей более не побеспокоит никто. Ибо принадлежит он мёртвому роду.

Уходя прочь от кургана, Медведи искусно запутывали следы, а вернувшись домой, первым делом заглянули в печи и хлебные квашни, избавляясь от присутствия Смерти. Поговаривали, однако, будто дело всё-таки не обошлось без скверного

МЕЧ МЁРТВЫХ

предзнаменования. Когда пленницу и тела глинян уже охватил гудящий огонь, вождь Медведей услышал, как из недр пламени кто-то требовательно позвал:

«Ингар!..»

Кто такой этот Ингар, никто из Медведей не знал. Однако у многих почему-то пробежал по спине холодок. Долгое время охотники старались не ходить в сторону бывшего глинского поселения. Неосторожные сыскались почти полгода спустя, когда солнце уже повернуло к весне, а в лесу, как водится, намело снегу по пояс. Пропало сразу трое крепких парней. Их хватились, и тщетные поиски завершились возле кургана. Три мертвеца висели на обледневших верёвках, привязанные к осиновому столбу, и у каждого было перерезано горло. Кто-то напоил их кровью мёртвых глинян...

С трудом одолев страх, Медведи разрыли свежесвалившийся снег и обнаружили под ним человеческий след. Человек пришёл с севера. А потом ушёл обратно на север. Он был один.

Это был самый недобрый час ночи, когда холод и тьма зловеще смыкаются над землёй и не верится, что наступит рассвет. Нагой лес молча стоял по колено в воде: Морской Хозяин, обитавший в пучинах великого Нево, за что-то прогневался на Водяного, владевшего Мутной рекой, и не желал принимать к себе её воды. Государыня Мутная уже и не знала, в какую сторону течь, устремлялась то вперёд, то назад, искала прибежища в болотах по берегам. Переполненные болота взбухали, заросшие озёра наливались свежей водой, смыкались протоками. Рождались течения, огибавшие валуны и гранитные взлобки... Между деревьями плыл подтаявший лёд.

Такой весны не было в здешних местах уже целую тысячу лет. С той самой поры, когда суровое Нево медленно падало с севера на берега, и перед его мощью отползали вспять реки, а Отец Свáрог ещё только запрягал коня в соху, чтобы пропахать Невское Устье и дать истечение потокам, снять с земной груди непосильную тяжесть.

Наверное, тогда так же обречённо стояли неспособные к бегству деревья, уходил напуганный зверь, разлетались

птицы, а людей мучили дурные сны и предчувствия грозной беды, которую никто не мог объяснить.

В городе Ладоге, уже сто лет стоявшем над высоким берегом Мутной, по ночам выли собаки. В Новом Городе, недавно поднявшемся у истока реки, объявились две колдуньи, старая и молодая. Они спасли девку-рабыню, вынудившую из петли, и боярского сына, поймавшего непотребным местом стрелу. Но при этом предрекали такое, что лучше было вовсе не слушать.

А между двумя городами стоял ощетилившийся лес, заваленный нерастаившим снегом, залитый чёрной водой.

Юркая кожаная лодка петляла между мокрыми стволами, уверенно пробираясь вперёд в ночной темноте. Белоголовый парнишка, орудовавший коротким веслом, знал здешние места, как собственный двор. Его звали Тойветту, он был ижором из рода Серебряной Лисы, и почему гиблой ночью он плавал по болотам на маленькой лодке, вместо того чтобы спать у домашнего очага — это никого не касалось. Он не первую седмицу жил в лесу один; когда наводнение изгоняло его с облюбованного островка, он перебирался на другой. И весь сказ.

Ощувив встречное течение, молодой ижор понял, что попал на протоку и скоро впереди будет открытый разлив. Его близость он тоже сперва ощутил, и только потом привыкшие к темноте глаза различили, что деревья вправду стали редеть.

Перед тем как выбраться из затопленной чащи, Тойветту осторожно помедлил, по-звериному напрягая все чувства. И правильно сделал, как вскорости оказалось. Там, где протока истекала из озера в лес, медленно перемещалось что-то громадное. И очень зловещее.

Лежалое дерево, поднятое водой и цепляющееся воздетыми корнями за ветви собратьев?.. Неведомое чудовище, пробудившееся в земной глубине?.. Между лопатками у смелого охотника покатился мороз, но в это время, благодарение небесному Старика, облака истончились, выглянула луна. И Тойветту увидел, что в протоку, подминая кусты, медлительно и неуклюже вползает длинный корабль.

Самое страшное было в том, что ижор знал этот корабль. Знал и хозяина, молодого датского княжича из Нового Города. Даже на охоту его когда-то водил чуть не по этим самым местам...

Тогдашняя охота ни к чему хорошему не привела, да и теперь что-то было неладно, что-то было не так. Большой корабль казался безлюдным. Не двигались в круглых люках проворные вёсла, не переговаривались, не смеялись охочие до шуток гребцы. Только царапали по днищу кусты и коряги, да голая мачта раскачивалась и скрипела оснасткой. Словно жалуясь на что-то собратьям, ещё не лишённым корней...

Страх Тойветту смешался в конце концов с любопытством, притом что он знал — подобное любопытство нередко бывает погибельным. Он пошевелил веслом и тихо укрылся за стволами деревьев, а потом накиннул верёвку и прямо из лодочки перебрался на ветви большой сосны, росшей рядом с протокой. С ловкостью куницы скользнул вверх, прополз по толстому суку... И замер, примостившись таким образом, чтобы корабль прошёл прямо над ним. Он был уверен, что ни лодочку, ни его самого оттуда не заметят.

И корабль, несомый течением, действительно появился и прошёл прямо под ним, но Тойветту в ужасе пожалел о своём безрассудстве ещё до того, как узрел его хищный тёмный нос, явившийся над зарослями ольхи. Ибо впереди корабля наплывала волна несильного, но отчётливого запаха. Ижорский охотник ощутил его и прирос к суку, на котором лежал. Запах говорил о неприбранных мертвецах, о жестокой насильственной смерти...

На луну стало постепенно наползать облако, но света ещё хватало, и Тойветту увидел всё. На палубе в самом деле покоились неподвижные человеческие тела. Люди погибли не здесь: кто-то уже мёртвыми приволок их сюда и сбросал, словно мешки, между скамьями гребцов. Так они и лежали, лишённые последнего достоинства, в чёрной крови, запёкшейся на одеждах. Одни — нелепо раскинувшиеся, другие, наоборот, смятые, сваленные в общую кучу, начавшие, казалось, срастаться...

И только один, склонившийся на самом носу, ещё сохранял какое-то сходство с живым. Он выглядел так, словно приполз туда сам. Совершил некое последнее усилие — и поник на палубные доски, чтобы уже не подняться...

У Тойветту закружилась голова, он зажмурился — плотно, до зелёных кругов перед глазами — и припал лицом к шершавой коре, чувствуя, как утрачивают цепкость ставшие бескостными пальцы. Сейчас его обмякшее тело сползёт с ветки вниз, он упадёт на корабль и поплывёт дальше вместе с мертвецами, такой же мёртвый, как и они. Или погибшие корабельщики заметят его, окружают сосну и станут трясти, пока опять-таки не заполучат его к себе...

Он долго не шевелился, не смотрел и почти не дышал, ожидая неминуемой гибели. Но Калма-смерть всё не торопилась за ним, в конце концов неподвижно лежать стало холодно, и Тойветту отважился приподнять веки.

Страшный корабль был ещё виден, потому что облачко миновало луну и болота опять заливало неживое зыбкое серебро. Корабль медленно удалялся, уносимый течением. Тойветту погладил бронзовую утиную лапку на поясе и собрался было облегчённо перевести дух, и вот тут-то не в меру острые глаза уловили на далёкой уже палубе какое-то движение!..

Молодой ижор никогда потом не мог вспомнить, как скатился с обжитой ветки в свою лодочку, чиркнул охотничьим ножом, рассекая верёвку, подхватил весло и заработал им — суматошно, отчаянно, так, как не грёб ещё никогда!.. Он был мечен когтями зверей и не боялся ни росомах, ни медведей, ни одинокой ночёвки на болотах, — но такое... Он слышал, как трещали кусты и деревья и жуткий стонущий треск этот придвигался всё ближе: там, позади, ломился сквозь затопленный лес, тяжело и неотвратимо шёл по его душу чудовищный корабль мертвецов, там, возносясь над вершинами, шагала следом за маленькой лодкой грозная Калма-смерть...

Тойветту гнал и гнал своё судёнышко, задыхаясь от ужаса и не разбирая пути. Он не знал, сколько сумасшедших

МЕЧ МЁРТВЫХ

взмахов отмерило готовое сломаться весло. Охотник очнулся, только когда впереди окреп жилой дух: такой дымок стелется над водой, когда огонь прячут от постороннего глаза. Тогда перестала греметь в ушах кровь, и он понял, что всё-таки спасся от мёртвого корабля. Вышел к живым. Он ещё не сообразил, что это были за люди, но как же он им обрадовался!

— Эге, паренёк! — окликнул густой мужской голос. — Ну-ка, рассказывай, что ты тут один делаешь? От кого удираешь, точно от смерти?..

Крепкие руки подхватили лодочку и потащили на берег. Тойветту буквально вывалился из неё — и сразу стал говорить, воздвигая между собою и только что пережитым непреодолимую преграду из сказанных слов. Хотя уже различил знакомые очертания вросших в землю избушек, смекнул наконец, куда его занесло, и горестно понял, что угодил из огня в полымя. Ну да всё равно!.. Эти люди по крайней мере жили на одном с ним свете и были, как он, из тёплой плоти и крови. И молчаливый ижор, седмицами не произносивший ни слова, говорил, говорил и остановиться не мог...

Глава первая

С утра на торгу только и разговору было о том, что мудрая Гуннхильд, жена Хрольва ярла¹ Гудмундссона по прозвищу Пять Ножей, накануне окрашивала руны и пускала их плавать в чашу с водой. Уже не первый раз взывала она ко Всеотцу, вопрошая, когда же придут корабли, и вот наконец руны дали ей внятный ответ: ЗАВТРА. И уже с рассвета кипели у торговой пристани пересуды — люди гадали, ошиблась ли Гуннхильд, посчитав желанное за действительное, или, как всегда, оказалась права.

Город Рóскильде лежит в глубине датского острова Сёлунд, на южном берегу извилистого фиорда, длинным ветвящимся языком проникшего в тело суши. Откуда бы ни дул здесь ветер, пахнет он солёной волной. И путешественников обычно ждут с севера, с той стороны, где за устьем фиорда ворочается в своём ложе древнее море и незримо тянутся по нему дороги на запад, на север и на восток.

Летели низкие облака, и ветер ерошил серую воду залива. Даже рабы, чистившие рыбу на прибрежных камнях, поднимали стриженные головы, щурились в прозрачную даль. Прикладывали ладони к глазам воины на круговых валах и рубленых башнях крепости, возведённой Ра́гнарóm конунгом. Нет на острове Селунд ни гор, ни скалистых отрогов, ни даже высоких холмов, весь он плоский, точно большая зелёная лепёшка, распростёртая посреди моря. Одна надежда — на высокие башни, с которых востроглазые хёрд-

¹ Старинные слова и понятия, а также непривычные для читателя географические названия объясняются в словаре, помещённом в конце книги.

манны разглядят либо дым сигнальных костров, либо сами корабли, если ветер прижмёт дым к земле или унесёт в сторону.

Велик и славен город Роскильде, и не так-то просто врагам подойти к нему незамеченными. С тех самых пор, как пророчица Гёвюн обратила быками четверых своих сыновей и, поддев плугом, обрушила в море пласт суши, ставший островом Селунд, сидят здесь могучие конунги, грозная слава датского племени. Сидят, точно морские орлы в высоком гнезде: то и дело расправляют крылья, срываясь в хищный полёт. И либо возвращаются с добычей и славой, либо не возвращаются вовсе. И Рагнар конунг — славнейший из всех, чьи могильные курганы высятся теперь над заливом. Много сыновей родили конунгу жёны, и десять самых достойных он посадил править богатыми странами, завоёванными в кровавых сражениях. Теперь Рагнар Кожанные Штаны умудрён годами и уже не так скор на подъём, как бывало когда-то, и тоже велел заложить для себя курган. Гуннхильд, правда, ещё двадцать зим назад предрекла конунгу гибель в далёкой стране. Как раз тогда её начали посещать пророческие видения, и это было одно из её первых предсказаний судьбы. Люди запомнили и слова Гуннхильд, и то, что Рагнара они несколько не испугали. «Есть кому привезти назад мои кости! — усмехнулся в седую бороду вождь. — Было б хуже, дочь, если б ты напорочила мне смерть на соломе!»

А ещё есть у мудрой Гуннхильд младшие женщины в доме, а также служанки и много рабынь, и от них-то, как водится, люди и узнают всё самое любопытное. Известно же: рабынь хлебом не корми, дай только почесать языками. Вот так и получилось, что добрую весть о скором возвращении Хрольва и его кораблей омрачил зловеший слухок.

— Сама-то я, конечно, не видела, — делала большие глаза молоденькая рабыня по прозвищу Белоручка. — Мне ли тереться подле хозяйки, когда она разговаривает с Богами!.. Но из капища наша Гуннхильд вернулась задумчива, и это кто хотите вам подтвердит. И я слышала от Друмбы, которая всегда сопровождает хозяйку, будто вода в драгоценной чаше на миг покраснела, как кровь!..

Кудрявую Белоручку считали некрасивой из-за смугловатой кожи и слишком тёмных волос. Эта внешность передалась ей от бабушки, которую отец Хрольва привёз когда-то из страны Вáлланд, из боевого похода. Мать Белоручки ещё могла объясняться на родном языке, а сама она — едва-едва. Зато все три были отличными вышивальщицами. И конечно, болтушками. Все вальхи любят поговорить, а вальхинки — и подавно.

— Кровь... — задумчиво пробормотал высокий старик в нахлобученной войлочной шляпе. Ветер нёс и расчёсывал его длинную бороду. — Сколько раз окрашивала она морскую волну, когда Хрольв следовал за Рагнаром в битву!

— А теперь Кожаные Штаны принимает послов гардаконунга и хочет договариваться о торговле и мире, — заметил на это воин из корабельной ватаги, подошедший послушать сплетни рабынь. Он говорил по-датски не особенно чисто. Светлые волосы были заплетены так, как носят у саксов, а поперёк живота висел огромный боевой нож, давший название его племени. Он сплюнул на песок, усеянный засохшими водорослями: — Кто бы мог ждать подобного, когда Хрёрек оставлял свой город и уходил жить на восток!

— Вещая Гуннхильд всегда молится об урожае и мире, — вставила пожилая служанка.

Длиннобородый плотнее запахнул полы тёмно-синего плаща, укрываясь от ветра:

— Всякий молится об урожае и мире для своего края, а за славой отправляется на соседа с красным щитом. О чём будут рассказывать у очагов, если Óдин перестанет бросать между героями руны раздора, руны вражды?

— Лучше объясни, женщина, как это ваша Гуннхильд постигает смысл рун! — потребовал сакс. — Я видел её, она же слепая!

— Вещая Гуннхильд зрит сердцем! — важно ответила служанка, а смешливая Белоручка весело фыркнула:

— Хозяйка проведёт пальцем по ткани и скажет тебе, какого она цвета, и ты её не обманешь. Раз уж вода предстала ей кровью, значит, так оно на самом деле и было.

Сакс промолчал, но очертания далёких туч, изорванных ветром, внезапно напомнили ему женщин, шествовавших на другой край небес. Они величаво летели по ветру — с распущенными волосами, в развевающихся одеждах. Прекрасным и зловещим показался воину этот неторопливый полёт... Он обернулся, желая указать на облака старику, но того нигде не было видно.

Гуннхильд дочь Рагнара, благородная супруга Хрольва Пять Ножей, появилась на берегу в полдень. Она ехала на смиренной лошадке рыжевато-песочной масти, с коротко подстриженной гривой и пушистым хвостом. Она очень прямо сидела в седле, удобно оперев ноги на дощечку и по обыкновению прикрыв веками слепые глаза. Связка ключей — гордость домовитой хозяйки — позвякивала у пояса, свисая с нагрудной бронзовой пряжки. Густые седеющие волосы Гуннхильд были собраны в узел и повязаны нарядным платком, как пристало замужней. Люди приветствовали и пророчицу, и верную Друмбу, что вела лошадку под уздцы. Друмба одевалась по-мужски и повадками своими отчасти напоминала мужчину; однако тому, кто пожелал бы смеяться над нею и, паче того, говорить хулительные стихи, следовало сперва посмотреть на потёртую рукоять меча, висевшего у неё при бедре. Воительница отбрасывала за спину длинные пряди, стеснённые лишь повязкой на лбу. Гибкую и крепкую девушку называли Друмбой — Обрубком — примерно за то же, за что искусной вышивальщице дали прозвище Белоручка. Она неотлучно состояла при Гуннхильд с того самого дня, когда супруга Хрольва гуляла одна на морском берегу, слушая голоса птиц, и едва не утонула в прилив. Друмба случилась неподалёку и, как говорили, вынесла её на руках. Это было шесть зим назад.

Лошадка Гуннхильд спустилась по улице, вымощенной горбылём, и остановилась на причале, там, где небольшие острые волны лизали позеленевшее подножие свай. Друмба без большого усилия сняла хозяйку с седла, заботливо поправила у неё на плечах сбившийся плащ. Гуннхильд подошла к самому краю настила, немного помедлила и протянула руки вперёд, раскрывая их, как для объятия.

И в это самое время из крепости, с высокой сторожевой башни, прокричал рог. Это воины заметили смоляной дым сигнальных костров, зажжённых на севере.

Всего кораблей было пять. Два принадлежали Хрольву Гудмундссону, и первым резал волну его любимец «Орёл». Обычно этот корабль узнавали издалека по широко развёрнутому крылу полосатого паруса — немногие решались так смело подставлять его ветру на коварном мелководе фиорда! — и по бесшабашному искусству, с которым Хрольв подводил к пристани послушное судно.

Сегодня, против обыкновения, красно-белое ветрило было подвязано почти наполовину. «Орёл» шёл медленно, словно радушный хозяин, указывающий безопасную дорогу гостям. И люди, смотревшие с берега, рассудили между собой, что в следующий раз эти гости вряд ли заплутают или сядут на мель среди бесчисленных островов. За «Орлом», на расстоянии оклика, следовали два больших боевых корабля. На подходах к незнакомому берегу осторожные кормщики сбрасывают паруса и сажают людей на вёсла; нынешние гости не спешили оголять свои мачты — должно быть, частью ради того, чтобы похвастать перед хозяевами мореходным искусством, частью затем, чтобы все видели знак, осенявший красные полотнища, надутые ветром.

Огненно-белый сокол, яро падающий с небес на добычу... Это знамя узнавали и чтили во всех уголках Восточного моря. Дождь, под который корабли попали возле входа в фиорд, пропитал ткань и добавил краскам яркости и глубины: белые крылья трепетали в бесстрашном полёте, надвигаясь на город...

Никогда ещё этих парусов не видели мирно близящимися к причалам Роскильде.

Второй корабль Хрольва шёл сбоку от них — почётная стража. Не присмотр, не защита — честь. Вендский Хрёрек конунг, ставший правителем на Восточном пути, прислал великое посольство к Рагнару Кожаные Штаны, конунгу селундских датчан.

Пятое судно ничем не было примечательно. Оно принадлежало купцу, возвращавшемуся в Роскильде из свейского города Бирки. Поначалу, встретив в море вендские корабли, торговец сильно перепугался и приготовился к самому худшему: у него не было при себе сильной охраны, надеялся проскочить датскими проливами, не напоровшись на разбойных людей. Ни сам купец, ни его ватажники не могли припомнить, чтобы венды отпустили датскую лодью, оставив в живых команду или по крайней мере дочиста не ограбив. Хозяин судна успел проклясть себя за скупость, за то, что пытался сберечь несколько ничтожных марок серебра и в итоге накликал беду. Венды, однако, против всякого обыкновения повернули боевой щит выпуклой стороной к себе и даже предложили купцу покровительство, которое тот и принял с большим облегчением. Вот так и случилось, что до самого Роскильде его лодья шла сперва под крылом вендского сокола, а потом ещё и под сенью вóрона на знамени Хрольва ярла, вышедшего навстречу. С подобной защитой опасаться было поистине нечего, но сейчас купеческое судно потихоньку отставало от своих грозных провожатых и отваливало в сторонку. Хорошо серой пташке устраивать своё маленькое жилище между сплетёнными сучьями орлиных гнёзд, но берегись ветра, вздымаемого слишком мощными крыльями! Пузатый кнарр торговца пробороздил килем песок поодаль от главных причалов. О небывалой встрече с вендами путешественники станут рассказывать детям и внукам, однако не дело скромным купцам путаться под ногами у великих мужей. Боязно подле знаменитых и грозных вождей, а уж когда они сходятся — и подавно. Мало ли ещё, чем кончится дело!

Твердислав Радонежич, боярин ладожского князя Вади-ма, стоял на носу первого из двух краснопарусных кораблей и, хмурясь, смотрел на приближавшийся берег. Уже был хорошо виден город; показалась и крепость, обнесённая ровным кольцом защитного вала. Твердислав различил даже, как раскрылись ворота и выпустили важных, неторопливо ехавших всадников. Боярин вгляделся, пытаясь

Литературно-художественное издание

МАРИЯ СЕМЁНОВА, АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ
МЕЧ МЁРТВЫХ

Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.12.2021. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 21,84. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MSN-15964-04-R